

Её брови опустились вниз, лицо побледнело, лишившись всякого румянца, она выглядела крайне подавленной.

— Я реально не могу. Я не училась, не умею танцевать, вы танцуете так хорошо, а я даже не знаю, куда деть руки, чувствую себя дурой.

Это был крик души.

Сюй Сяое немного растерялась. Когда TS каждый год набирает стажёров, всегда бывает такая ситуация: обычным людям, чтобы попасть в этот круг, приходится преодолевать множество препятствий.

Сюй Сяое оперлась руками об пол и села, приняв позу для беседы:

— А как ты вообще записалась?

Ань Жун украдкой поглядывала на Сюй Сяое, замечая, что та, похоже, не собирается уходить, и начала успокаивать свои нервы, подававшие сигналы голода.

Сун Жань беспомощно ответила:

— Это не я хотела записываться. Мама меня записала. Она подумала, что можно попробовать. Если не выйдет, зато двести в день — не убыток.

Очень честно.

Точно так же думала Ань Жун в самом начале. Когда её сестра записала её на отбор, она тоже спросила мнение Ань Жун. Та подумала и решила: двести юаней в день, даже если не выиграть, за десять дней будет две тысячи юаней — это два месяца жизни в университете. Почему бы не попробовать? И она пришла.

Сун Жань с плачущим лицом сказала:

— Откуда я знала, что тут придётся без конца танцевать? Я же не умею.

Её уровень был примерно таким же, как у Ань Жун в прошлом. Другие танцевали целый день и уставали физически, а она уставала морально, постоянно сравнивая себя с другими и сомневаясь в себе перед лицом напряжённых тренировок.

Ань Жун вспомнила, что тогда, в прошлый раз, первый официальный разговор с Сюй Сяое случился именно в этот момент. Тогда она сказала:

— Раз ты ради двухсот юаней в день, то чего нервничать? Следующее отчисление в конце месяца. Подумай с другой стороны: сейчас ты получаешь зарплату каждый день и бесплатно учишься танцам и пению. У обычных людей такого шанса нет?

Сун Жань открыла рот от удивления.

Ань Жун слегка улыбнулась, опустив голову.

Сун Жань моргнула и сказала:

— Но я реально не могу, я вообще не поспеваю за вашим темпом.

Как бы хорошо ни говорила Сюй Сяое, реальность оставалась неизменной.

Сюй Сяое подняла бровь:

— Не обязательно поспевать за нами. У каждого свой ритм. Посмотри на Ань Жун, у неё тоже нет базы, иногда она всё делает одновременно и руками и ногами, посмотри, какая она спокойная, ей всё равно. Самое важное — это настрой. Если не хочешь дебютировать, то не создавай себе такого давления. Где не получается — могу научить я, или учителя тоже помогут.

Рядом танцующая Ань Жун улыбка постепенно исчезла, она медленно повернула голову к Сюй Сяое с абсолютно невинным выражением лица.

На кого это намёк? Одновременные руки и ноги вышли случайно. Кто у нас тут большой, кому всё равно? Кто не хочет дебютировать? Богине можно говорить что угодно и ни за что не отвечать?

Сюй Сяое объяснила Сун Жань, как делать движения, которые у неё не получались, и лично показала ей.

Затем она повернулась и увидела, что Ань Жун всё ещё здесь, и спросила:

— Пойдём есть?

Ань Жун замерла и тут же кивнула:

— Пойдём.

Ждала тебя уже целую вечность.

Когда Ань Жун и Сюй Сяое пришли в столовую, там уже почти никого не было. Все разошлись рано и уже поужинали.

Сюй Сяое, глядя на тарелку Ань Жун с небольшим количеством еды и крошечной порцией риса, удивилась:

— Так мало? Тебе хватит?

После целого дня интенсивных тренировок, да ещё в возрасте, когда организм растёт, она почти ничего не ела в обед, а сейчас калорий и сахара в еде было совсем немного.

Ань Жун кивнула:

— Нормально. Просто мне нужно худеть.

Она ела медленно, тщательно пережёвывая каждый кусочек, и после того как проглотила, добавила:

— Хотя базы у меня нет, это не значит, что мне всё равно. Я хочу победить.

Слова Сюй Сяое в танцевальном зале действительно отражали её прежние мысли. Но люди меняются. Теперь она хотела не просто двести юаней в день, а работу или, можно сказать, мечту. Это было странное чувство, но она очень хотела этого шанса.

Её слова немного удивили Сюй Сяое, но, подумав, она поняла, что это вполне логично. В конце концов, она уже здесь. Сюй Сяое подняла голову и серьёзно спросила:

— Ты хочешь выиграть этот конкурс или дебютировать в женской группе?

Ань Жун твёрдо посмотрела на Сюй Сяое:

— Я хочу дебютировать. Именно в этот раз.

Вместе с тобой.

Если она не сможет дебютировать вместе с Сюй Сяое, их пути, вероятно, разойдутся.

Её серьёзное выражение лица не выглядело шуткой или притворством, но могла ли семнадцатилетняя школьница действительно решать свою судьбу?

Сюй Сяое немного не верила в это. Хотя с первого взгляда она поняла, что у Ань Жун действительно большой талант, но для несовершеннолетней девушки выбор пути, который повлияет на всю жизнь, — дело не такое уж простое.

Но сейчас вокруг могли быть камеры, поэтому Сюй Сяое слегка нахмурила брови, но тут же улыбнулась:

— Тогда давай бороться вместе! Я верю в тебя.

Ань Жун знала, что это просто вежливые слова, но всё равно была очень рада.

После ужина они вернулись в общежитие. Ещё не зайдя внутрь, они услышали смех и веселье. Молодёжь быстро сходится, особенно когда уже разделены на команды. Выбирая комнаты, почти все члены команды селились вместе. После дневных тренировок вечером было много разговоров: они узнавали друг друга или обсуждали тренировки.

Ань Жун достала свой инструмент и настроила его.

Сюй Сяое, увидев это, с любопытством подошла ближе, разглядывая, и спросила Ань Жун:

— Это эрху?

Сюй Сяое мало знала о традиционных инструментах, но по форме это было похоже. Кроме эрху, других инструментов с таким видом, кажется, не было.

Ань Жун настроила инструмент, положила его на колени, покачала головой и улыбнулась:

— Нет. Раньше я училась на эрху, но в прошлом году сменила на шаоцинь. Похоже на эрху, но звук не такой глухой, а низкие частоты более насыщенные.

Сюй Сяое играла на гитаре и слышала музыку на эрху, поэтому поняла, что это усовершенствованная версия.

Ань Жун не упустила возможности показать себя и с улыбкой спросила:

— Сыграть тебе одну?

Сюй Сяое встала, достала из коробки пакетик кофе и сказала:

— Погоди, я сначала подготовлюсь. Чувствую, под это надо чай пить, но чая нет, так что потерпим.

Она взяла чайник пошла снаружи за кипятком, через минуту уже вернулась, и терпкий горьковатый аромат кофе быстро долетел до носа Ань Жун.

Сюй Сяое села за стол, держа в руках белую керамическую кружку, с очень серьёзным выражением лица, что немного смутило Ань Жун.

Ань Жун открыла планшет на столе и сказала Сюй Сяое:

— Ноты ещё не выучила, придётся смотреть.

Сюй Сяое поставила кружку, взяла планшет из рук Ань Жун, положила его на колени, наклонилась вперёд, чтобы посмотреть, и, возможно, высота была недостаточной, поэтому она подняла одну ногу, поставив планшет вертикально на колено, и спросила:

— Так пойдёт?

Ань Жун нахмурилась и моргнула.

Сюй Сяое немного увеличила страницу и прокрутила вниз.

Ань Жун кивнула:

— Пойдёт.

У шаоциня яркий звук, как только началось вступление, разговоры снаружи стихли. Ань Жун играла, а Сюй Сяое тихо подпевала. Ещё до окончания основной части у двери собралось несколько человек, привлечённых звуками.

Ань Жун начала учиться играть на эрху в десять лет, и к этому моменту прошло уже семь лет. Два года назад её учитель купил шаоцинь и обнаружил, что у шаоциня действительно есть преимущества перед эрху, но он играл на эрху уже несколько десятилетий, поиграл на шаоцине некоторое время, когда новизна прошла, снова почувствовал, что эрху лучше, некоторые недостатки тоже являются особенностями эрху, как у родного сына, поэтому отдал шаоцинь Ань Жун.

Ань Жун с детства умела усидеть на месте, к тому же у неё было чувство ритма и талант, училась очень быстро, ей самой это нравилось. С детства, ходя в дом крёстной, другие все уходили играть, а она нет, сидела там и слушала, как Ху Гэньшэн играет на эрху, потом сразу же официально вступила в ученики. Ху Гэньшэн — муж крёстной матери, но после вступления в ученики муж и жена считаются по отдельности, Ань Жун зовёт госпожу Ху крёстной матерью, а Ху Гэньшэна — учителем.

Примечание автора: Ань Жун: самая скрытная натура.

<http://bllate.org/book/16418/1487768>